

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

УДК 316.42

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОСТИ РАЗВИТИЯ МОРАЛЬНЫХ ПАНИК

А.А. Ефанов

Предпринимается попытка социологического обоснования процессуальности развития моральных паник. На основании сочетания деятельностного подхода, интеракционистского подхода, контекстуального конструкционизма и структуралистского конструктивизма делается вывод, что моральные паники представляют собой процесс циклических социальных изменений, возникающих вследствие аффективной реакции индивидов на серию взаимосвязанных явлений, объединенных общим либо сходным проблематизируемым условием, как угрозу разрушения устойчивой системы нравственных норм и духовных ценностей. Доказывается, что моральные паники являются социальным процессом, не всегда подвластным регуляции и контролю извне, зачастую принимающим массовые и стихийные формы.

Ключевые слова: моральные паники, социальный процесс, социальные действия, социальный конфликт, жизненный цикл.

В современном информационном обществе средства массовых коммуникаций оказывают существенное влияние на жизнедеятельность каждого индивида. Медиа стали «значимым социальным фактором, передающим тематические сообщения и информацию о тех, кому нужно противостоять, кто нагоняет страх в обществе, что является основными причинами преступления и как бороться с преступлением» [1, р. 190]. В итоге в социуме формируются массовые аффективные реакции, нередко приобретающие форму моральной паники.

Системность конструирования моральных паник в отношении вновь возникаемых в медийном поле прецедентов с кодом «социальная опасность» (наркотизм, педофилия, распространение ВИЧ и проч.) заставляет сделать предположение о процессуальной природе явления. Однако данный тезис нуждается в социологической аргументации и доказательности.

В социологической науке под социальным процессом принято понимать «относительно однородные серии явлений, связанных взаимными причинными или структурно-функциональными зависимостями <...> Серия социальных явлений может быть понята как процесс, если она сохраняет идентичность во времени, позволяющая выделить ее из других серий, если предшествующие явления обуславливают хотя бы частично следующие за ними явления и если они вызывают определенное однородное положение вещей» [2, с. 193-194]. Наряду с тем, что подобные серии явлений входят в сложные комплексы отношений, образуя социальную систему в целом, они,

в свою очередь, также состоят из отдельных элементов, анализ которых даст «ключ» к пониманию сущности социального процесса.

Для обоснования процессуальности развития моральных паник представляется необходимым обратиться к ряду социологических концепций – деятельностному подходу (М. Вебер, Д.В. Ольшанский), интеракционистскому подходу (С. Коэн), контекстуальному конструкционизму (Э. Гуд, Н. Бен-Йехуда) и структуралистскому конструктивизму (П. Бурдьё).

Изучая массовое поведение толпы, Д.В. Ольшанский обозначает панику как «массовое возбуждение, сопровождаемое лихорадочной деятельностью, направленной на избавление от возможной опасности» [3]. С позиций деятельностного подхода **моральные паники** можно рассматривать как **совокупность социальных действий**, хаотично либо сознательно выстроенных в определенную систему, принимающую **форму деятельности**. При этом для моральной паники определяющим является сам процесс – протекание деятельности, – во время которого индивиды находятся в состоянии стресса, лишённые способности критического осознания социальной действительности.

Как и любая деятельность, моральная паника характеризуется усложнённой структурой, состоящей из ряда элементов: мотива, цели, средств и действий.

В качестве **мотива** понимается побуждение индивидов, обусловленное потребностями в самосохранении и сохранении целостности общества как гаранта социальной стабильности. Остальные группы потребностей, а также традиции и установки являются вторичными, поскольку реакции индивидов на моральную панику, в первую очередь, объясняются стремлением к безопасности и защищённости.

Целью моральной паники является конструирование социального конфликта, в ходе которого разные его стороны вступают в противостояние: одни выражают общественное недовольство, другие – создают прецеденты для общественного недовольства и т.д. Социальный конфликт представляет собой «отвлекающий маневр», в котором, в первую очередь, заинтересованы представители политической элиты. В процессе «сведения счетов» из поля зрения индивидов ускользают важные социальные и политические явления, в придании огласке которых определенные акторы поля политики заинтересованы меньше всего.

Социальный конфликт, в свою очередь, побуждает **средства**. Так, общество, руководствуясь репрессивно-карательными установками, с подачи заинтересованных акторов и на основе эмотивно-морализаторского дискурса организует «крестовые походы» – движения против «неверных».

С позиций деятельностного подхода **действия** понимаются как ключевой элемент деятельности, который отличается собственной задачей, воспринимаемой как некая «сила» – механизм для запуска моральной паники, при этом смена действий обуславливает стадийность процесса. Общественное недовольство не сможет возникнуть, если не произойдет никакого прецедента,

а ряд медиаконтролеров, в свою очередь, не придаст это общественной огласке, тем самым представив ситуацию как предтечу социальной катастрофы.

Согласно теории М. Вебера, «действием мы называем действие человека (независимо от того, носит оно внешний или внутренний характер, сводится ли к невмешательству или терпеливому приятию), поскольку действующий индивид или индивиды связывают с ним субъективный смысл. «Социальным» мы называем такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него» [4, с. 129]. Ученый типологизирует социальные действия, которые, по его мнению, характерны для разных исторических эпох и присущи разнородным социальным структурам. Так, он выделяет четыре типа социальных действий:

- аффективные (исключительно сенсуалистской природы);
- традиционные (обусловлены сложившимися ритуалами и обычаями);
- ценностно-рациональные (характеризуются совершением определенных действий, продиктованных «безусловной ценностью»);
- целерациональные (являются свидетельством полной осознанности действий – соотносением средств и методов достижения с конечной целью).

Стоит предположить, что если на первоначальном этапе в зависимости от первопричины социального конфликта моральные паники могут породить аффективные и традиционные действия (как первичные реакции общества на социальный стресс), то впоследствии их сменяют ценностно-рациональные и целерациональные действия, что зависит от природы самого явления. Аффективные и ценностно-рациональные действия возникают вследствие угрозы разрушения инструментальных ценностей (ценностей-средств), а традиционные и целерациональные – формируются на основе попираания терминальных ценностей (ценностей-целей). Если первоначально «эмотивно-морализаторский дискурс как технология конструирования моральных паник выстраивается на основе так называемых «первичных» действий, обусловленных социальными традициями либо сложившимися нравственными установками индивида» [5, с. 42], то впоследствии данное явление порождает более усложненные формы – своего рода стратегии защиты и сохранения социальных ценностей и норм.

Первые попытки обоснования процессуальной природы моральных паник принадлежат С. Коэну. С позиций интеракционистского подхода ученый замечает, что, исчезая с течением времени, подобные явления могут сохраняться в произведениях фольклора и проявлениях коллективного сознания, однако «иногда они оставляют более долгое эхо, отзвук и могут производить серьезные изменения социальной политики и даже способов понимания обществом самого себя» [6, р. 202].

В этой связи следует акцентировать внимание на процессуальности развития моральных паник – способности не просто вступать в некие взаимодействия внутри социальной системы, а производить количественные и

качественные изменения социальной структуры в целом. Ярким свидетельством подобному умозаключению можно считать явление наркотизма в России 1990-х годов, когда на фоне политики «Общества без наркотиков», с одной стороны, увеличивалось количество заинтересованных групп, с другой, – параллельно с этим шел обратный процесс, при котором молодежь стала активно вливаться в ряды наркоманов, тем самым расширяя явление в глазах социума до масштабов социальной катастрофы.

Ориентируясь на исследование С. Коэна, представители контекстуального конструкционизма Э. Гуд и Н. Бен-Йехуда формируют процессуальную модель развития моральной паники, которая протекает в течение ряда этапов:

- проявление озабоченности поведением определенной группы;
- нарастание враждебности к этой группе;
- распространение мнения, что поведение группы составляет общественную угрозу;
- преувеличение числа девиантов, распространение панических настроений;
- неустойчивость конструкта.

Э. Гуд и Н. Бен-Йехуда концептуализируют тезис о наличии «жизненного цикла» моральных паник. По мнению авторов, моральные паники не просто приходят и уходят бесследно. Даже те из них, которые, казалось бы, завершаются без видимых последствий, часто оставляют неформальные следы, которые готовят социум к последующим сериям явлений. Ученые уверены, что «предметное исследование воздействия моральных паник заставляет нас взглянуть на вещи в более широкой перспективе, посмотреть на моральные паники как на социальный процесс, а не как на изолированные, фрагментарные, преходящие случаи. Моральные паники – важнейший элемент ткани социальных изменений. Они – не маргинальные, экзотические, тривиальные явления, а ключ, способный раскрыть некоторые чрезвычайно интригующие тайны общественной жизни» [7, р. 250]. Изучение моральных паник как социального процесса поможет восстановить причинно-следственные связи между сериями прецедентов социальной действительности, понять причины и последствия изменений в социальной структуре.

Однако само обоснование процессуального развития моральных паник заложено в теории структуралистского конструктивизма П. Бурдьё, исследование которого строится на научных идеях о полях. «Поле», согласно точке зрения автора, «есть исторически сложившееся пространство игры, со специфическими, свойственными только данному пространству интересами, целями и ставками, с собственными законами функционирования» [8, с. 10], на котором индивиды формируют «габитус» – диспозиции (систему «прочных приобретенных предрасположенностей»), – обуславливающее выбор тех или иных действий.

Моральные паники возникают в результате нарушения габитуса общества – устойчивой совокупности диспозиций, которые воспринимаются

индивидами как нечто незыблемое, представляющее особую ценность в своей целостности. Данные серии явлений зарождаются вследствие столкновения интересов на основе габитуса виновников – нарушителей социального порядка – и общества в целом. При этом моральные паники появляются не просто на основе противоречий габитуса двух противоборствующих сторон, а в результате прямой угрозы – диссонирующего эффекта от возможного разрушения социальной целостности настоящей системы приобретенных схем.

П. Бурдые подчеркивает примат медиа в конструировании моральной паники, при этом замечая, что в погоне за сенсационностью некоторые средства массовых коммуникаций пытаются вызвать интерес у аудитории, заостряя внимание на событиях, которые «могут породить разного рода мобилизационные акции, замешанные на страстях: либо чисто сентиментального и благотворительного характера, либо более агрессивные и приближающиеся к символическому линчеванию, вызванные историями убийств детей и происшествиями, связанными со стигматизированными группами» [9, с. 114]. Моральная паника создается на основе столкновения интересов полей производства, которое может как принимать форму «специфической игры», так и достигать масштабов противостояния и битвы, рассматриваемых как первооснова для возникновения новых явлений.

В этой связи конструирование моральной паники является результатом конкуренции за обладание специфическим – символическим капиталом, который, в свою очередь, открывает агентам возможности для доминирования – «символического и экономического господства». При этом символический капитал симбиотичен с экономическим, поскольку он представляет собой «кредит доверия» – обладание символическими ресурсами, которые не просто обуславливают некий авторитет в социальной системе, но и, в свою очередь, дают возможность для злоупотребления выработанным в обществе *brand loyalty* [10, с. 55] – применения манипулятивных схем, провоцирования моральных паник, что сопровождается ростом интереса к медиа – повышением рейтинга, использованием СМИ как основного инструмента, посредством которого определенные акторы превращаются в агентов эмотивно-морализаторского дискурса, диктующих обществу, как нужно быть с тем или иным «раздражителем», не представляя возможности для самостоятельного осознания – попытки осмыслить, оценить и выработать собственный план действий.

Системность воздействия моральных паник была бы невозможной без постоянного «подогревания» интереса к явлению. В данном контексте моральные паники представляют собой социальный процесс, построенный на принципе «*illusio*» – вовлеченности агентов в социальное действие за обладание специфическим капиталом, приобретающее формы игры, состязания или откровенной борьбы. Результатом порожденного «*illusio*» социального конфликта становится очередная волна моральных паник.

Признавая прямую («демагогическую») заинтересованность агентов политического поля, а также подтверждая примат внутренней «цензуры» журналистов – отбирать сенсационные, а значит, коммерчески успешные прецеденты, что, собственно, и становится основой для формирования определенного социального сговора, – разрешить конфликт «*illusio*» кажется возможным путем создания «социальных условий рационального спора, направленного на установление в международном масштабе не ортодоксального *working consensus*, <...> то, по крайней мере, своего рода *working dissensus*, основанного на критическом признании того, что научно (а не социально) установлено как совместимое или несовместимое» [10, с. 412].

Отличительной особенностью моральной паники считается ее структурная нестабильность, обусловленная резким проявлением и исчезновением интереса со стороны общества. Неустойчивость является определяющей чертой моральной паники, на основе которой выстраивается весь процесс социального воздействия со стороны заинтересованных акторов.

В этой связи можно отметить, что моральные паники характеризуются наличием «жизненного цикла», при котором наблюдается разворачивание социального явления в динамике – во времени, пространстве, системности развития (от зарождения и положительной динамики – до кризиса, отрицательной динамики и депрессии), – характеризуясь увеличением, а затем в процессе упадка – снижением числа задействованных общностей. При этом в процессе конструирования моральной паники привлекаются различные группы участников: как маргиналы – «новички», которые «вносят в поле разрушительные и критические диспозиции, никогда не подвергающиеся достаточной научной критике, толкают к разрыву с рутинной академического истеблишмента» [11, с. 310], – так и эксперты – уполномоченные лица, наделенные авторитетом «хранителей общественных ценностей».

Таким образом, на основании сочетания деятельностного подхода, интеракционистского подхода, контекстуального конструкционизма и структуралистского конструктивизма **моральные паники** понимаются как процесс циклических социальных изменений, возникающих вследствие аффективной реакции индивидов на серию взаимосвязанных явлений, объединенных общим либо сходным проблематизируемым условием, как угрозу разрушения устойчивой системы нравственных норм и духовных ценностей. В этой связи моральные паники можно рассматривать как **социальный процесс**, который не всегда подвластен регуляции и контролю извне, зачастую принимающий массовые и стихийные формы.

Список литературы

1. Killingbeck D. The role of television news in the construction of school violence as «a moral panic» // Journal of Criminal Justice and Popular Culture. 2001. № 8 (3). P. 186-202.

2. Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии / общ. ред. А.М. Румянцева; пер. с польск. М.М. Гуренко. М.: Прогресс, 1969. 240 с.
3. Ольшанский Д.В. Психология масс. СПб.: Питер, 2001. 368 с. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/olshansk/03.php (дата обращения: 23.03.2016).
4. Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем.; сост., общ. ред. Ю.Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
5. Ефанов А.А. Моральные паники как фактор социальных изменений: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. Саранск, 2016. 179 с.
6. Cohen S. Folk devils and moral panics: The creation of the Mods and Rockers. London: Routledge, 2011. 282 p.
7. Goode E., Ben-Yehuda N. Moral panics: the social construction of deviance. Oxford: Wiley-Blackwell, 2009. 299 p.
8. Бурдые П. О телевидении и журналистике / пер. с фр. Т.В. Анисимовой и Ю.В. Макаровой; отв. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002. 160 с.
9. Ясавеев И.Г. Социальные проблемы и медиа: конструкционистское прочтение. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2010. 236 с.
10. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики / пер. с фр.; отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. 576 с.
11. Там же.

Ефанов Александр Александрович, канд. социол. наук, доц., yefanoff_91@mail.ru, Россия, Оренбург, Оренбургский государственный педагогический университет.

SOCIOLOGICAL INTERPRETATION OF PROCEDURALITY OF THE MORAL PANICS DEVELOPMENT

A.A. Yefanov

The attempt of sociological interpretation of procedurality of the moral panics development has been done in the article. Based on the combination of the activity approach, interactionist approach, contextual constructionism and structuralist constructivism concludes that moral panics is a cyclic process of social changes, resulting from the affective reactions of individuals to series of interrelated phenomena, united by a common or similar problematize condition as a threat to the destruction of the stable system of moral standards and spiritual values. Moral panics is a social process, not always subservient to the regulation and control from the outside, which often takes the form of massive and spontaneous.

Key words: moral panics, social process, social actions, social conflict, life cycle.

Yefanov Aleksandr Aleksandrovich, candidate of sociological sciences, docent, yefanoff_91@mail.ru, Russia, Orenburg, Orenburg State Pedagogical University.